

ГОРОД

Болонья на перепутье

ГОРОД-ПЕРЕСАДКА, ГОРОД-МУЗЕЙ,
ГОРОД-УНИВЕРСИТЕТ ИЛИ ГОРОД
КАНАЛОВ? БОЛОНЬЯ ИЩЕТ СВОЕ АМПЛУА
ПРИ НОВОЙ ВЛАСТИ

ТЕКСТ:
Дарья Князева
ФОТО:
Федор Савинцев

Одна из немногих сохранившихся сегодня болонских башен — Прендипарте — отдана под мотель

Спорт, стиль, спритц (коктейль из белого вина и содовой) — три постоянные в жизни итальянского Севера. Этот пожилой болонец приехал на пьяцца-Маджоре за заслуженным аперитивом

Тот, кто в ближайшие месяцы приедет в Болонью, застанет город в радостном ожидании. В конце весны здесь избрали нового мэра, и все вокруг приготовилось к изменениям. Слишком долго — целых сорок лет — Болонья спала летаргическим сном, дав скептикам право объявить о кончине ее культурной и общественной жизни. Но надежда на чудо воскресла одновременно.

«Бабушка при смерти, но все вокруг отводят глаза, чтобы этого не видеть». Так описывает состояние Болоньи ее коренной житель 53-летний Луиджи Педриали, оставивший пост в международной корпорации ради работы шофера. По его ощущениям, город замер в своем развитии. А ведь до 1970-х годов на него равнялась вся Италия! Сегодня же умы образованной общественности занимает вопрос, не вывести ли наружу подземные каналы, чтобы привлечь побольше туристов, а главным персонажем светской хроники стал сумасшедший марокканец, забирающийся в знак протеста на голову статуи Нептуна на центральной площади.

Двух последних мэров, Джорджо Гуаццалоке и Флавио Делбоно, признали виновными соответственно в коррупции и хищении государственных ценностей. Последний из-за разыгравшегося скандала ушел в отставку в январе 2010-го, новый мэр вступил в должность лишь через полтора года. Оставшийся без рулевых город погрузился в университетскую рутину — лекция, библиотека, шопинг, бары.

В Болонье раз в жизни бывал каждый, кто путешествовал по Италии поездом: ее вокзал, словно резинка, собирает в пучок железнодорожные линии юга и севера страны. Тут много арок, первый в Италии «небоскреб» (97-метровая башня Азинелли, построенная в 1119 году) и старейший в Европе университет, открытый в конце XI века. Главная же «достопримечательность», на ко-

Пьерлуиджи Прата выковывает элемент новой люстры в средневековом стиле: на четыре сантиметра — пять-семь минут ударной работы

В анатомической галерее Палаццо Поджи на фигурах из воска показаны все стадии развития человеческого тела — от формирования плода до старения тканей

• торую приезжают посмотреть итальянцы со всей страны, — молодежь, разливающаяся по здешним улицам бурным, пестрым, хохочущим потоком.

«У нас в Италии проблема — мы больше не делаем детей», — с улыбкой говорит потомственный кузнец Пьерлуиджи Прата, отбивая молотком раскаленный лепесток железной розы. Его мастерская на улице Кальдарезе похожа на подвал ведьмы: замерли в охотничьей стойке черные собаки, неподвижно сидят на ветках черные канарейки, никогда не вянут черные букеты в изящных вазах... На всю эту выкованную из железа жизнь медленно оседает пыль. Кузню открыл еще дед Пьерлуиджи, дело продолжил его отец, да и сам он с десяти лет работал у домны. Подруга Пьерлуиджи, Лена, жалуется, что дома его почти не бывает: уходит рано утром, приходит поздно вечером. «Этому делу надо посвятить себя целиком, причем с малолетства, — убежденно говорит кузнец. — У меня нет наследников, да и мало кому сегодня интересно день-деньской метаться

28 мая фестиваль
уличных хулиганов вы-
вел на улицы Болоньи
жонглеров, шоуменов,
певцов, роллеров
и мимов

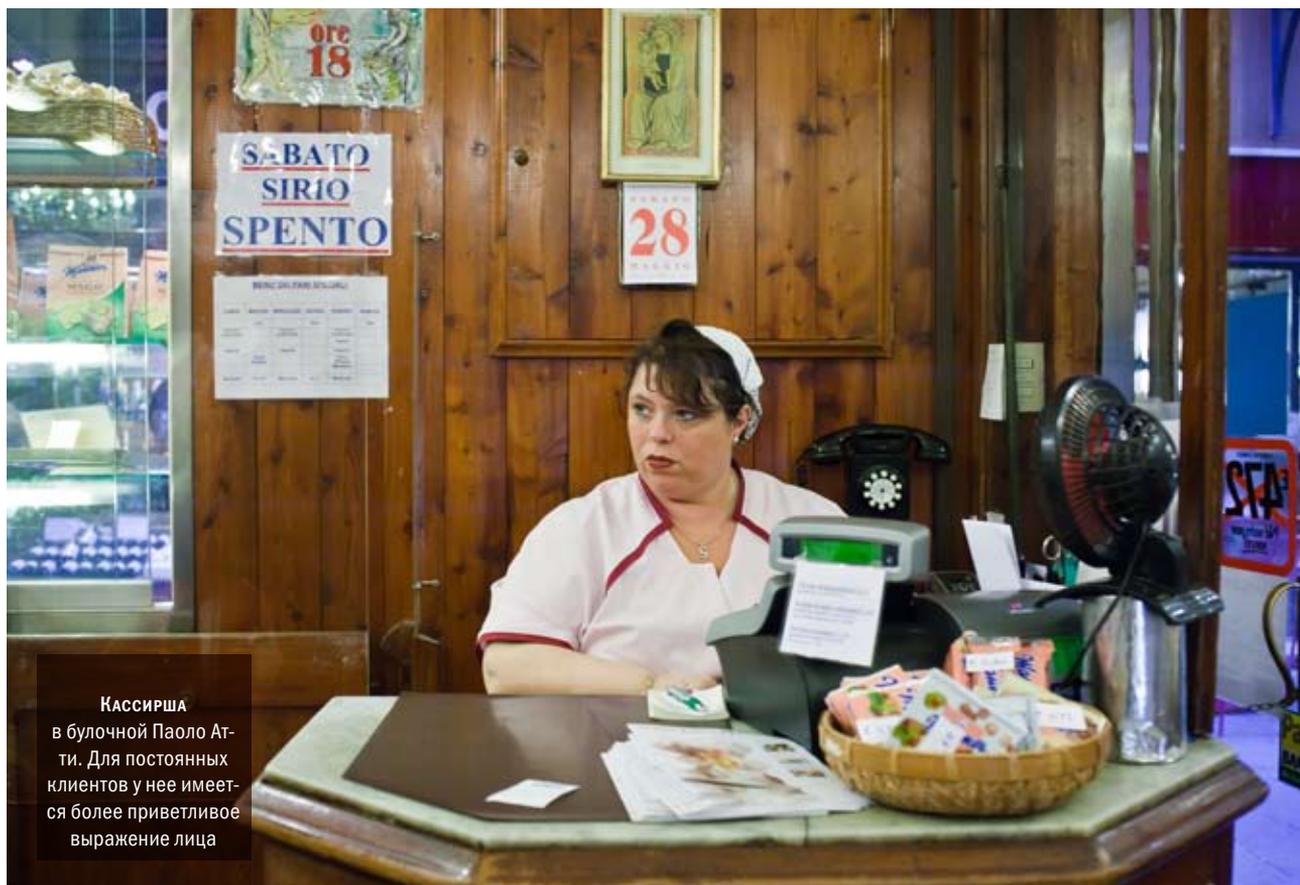
между печью и наковальней. Так что, когда я больше не смогу работать, устрою здесь музей ковки».

Эти слова точно отражают настроения современной Болоньи. В музеи здесь превращены многие полезные в прошлом учреждения, где когда-то рождался тот самый «болонский дух», привлекавший сюда самых образованных людей Европы. Сейчас это безусловно привлекает туристов. Гид Юлия Полянская отмечает наплыв путешественников из России и уточняет, что фокус их интереса сместился с магазинов на музеи.

В первом здании университета, дворце Аркиджинназио, туристы рассматривают гербы студенческих общин, которыми щедро украшены стены анфилады, и присаживаются на скамейки первого анатомического театра. В Палаццо Поджи, куда по указу оккупировавшего в 1803 году город Наполеона был перенесен разросшийся университет, сегодня — ректорат и музей коллекций, принадлежавших первым профессорам. Кроме зала биологических древностей и старинных

карт здесь хранится крупнейшее в мире собрание макетов кораблей — десять двухметровых реплик от Римской империи до эпохи Возрождения. В акушерском зале за стеклянными витринами выставлены точнейшие терракотовые макеты стадий развития плода и восковые учебные пособия по приему родов. Венец анатомической коллекции — Венерина скульптора Клементе Сузини, — изображающая препарированную молодую женщину.

В соседних с этими жутковатыми экспонатами залах бегают перемазанные краской дети. В секции под началом работников музея они постигают законы физики: рисуют радугу на юле, сделанной из бумажного кружка, насаженного на огрызок карандаша, и делают камеру обскура из обувной коробки. Юные физики привносят в музейные залы какое-то неожиданное для Болоньи возбуждение. Факультеты университета сегодня рассеяны по городу и окрестностям, и сокровищами Палаццо Поджи наслаждаются только туристы, работ-

Кассирша
в булочной Паоло Атти. Для постоянных клиентов у нее имеется более приветливое выражение лица

Эдда Гранди объясняет разницу между тортеллини и тортеллоне: первые — маленькие с сыром, вторые — большие с овощами

- ники ректората да студенты, проходящие практику в музее в качестве гидов.

Именно жизни, использования, «вульгаризации» в хорошем смысле слова не хватает сегодняшней Болонье, считает профессор Джованна Козенца, преподающая в Болонском университете семиотику, науку об интерпретации знаков, в новых средствах массовой информации. «Я писала диплом, докторскую диссертацию и некоторые последующие работы под руководством Умберто Эко, и главное, чему он меня научил, — нужно говорить с каждым на его языке, уметь объяснить себя любому собеседнику. Выразаться легко и доступно — это чрезвычайно трудное и полезное мастерство, которое, к сожа-

лению, мало ценится. Людям часто кажется: в том, что выражено сложно и запутанно, смысла больше, чем в том, что они могут понять».

По наблюдениям профессора Козенца, Болонья в какой-то момент перестала вести диалог со своими жителями и гостями. Туристы все так же поднимаются на башню Азинелли по 495 ступеням, клянутся в вечной любви у окошка на виа-Пьелла, заказывают пасту под соусом болоньезе. Но все, чем можно привлечь их сюда, родом из седой истории. Настолько седой, что иногда ее за ненадобностью забывают. Владелец одной из немногих уцелевших башен — башни Прендипарте — отдал ее под недорогой отель, потому что устал подниматься по средневековым лестницам. Хозяйка трагтории «Сергей» не может вспомнить фамилию того известного русского танцовщика, заходившего сюда обедать во время гастролей балетной труппы, в честь которого ее муж назвал заведение. А мастерство хлебопечения, которым была славна Болонья, остается уделом нескольких семей. Об этом красноречиво свидетельствует автомат по выдаче билетиков с порядковыми номерами, встречающий покупателей у входа в булочную Паоло Атти. «Мы долго боролись с необходимостью его поставить — отец был очень против. Но в итоге сдались перед очевидностью, — говорит хозяйка лавочки, внучка основателя Паоло Атти в пятом поко-

Никита Блинков и Карина Еруцян приехали на стажировку в Болонский университет. По их мнению, учиться здесь придется гораздо интенсивнее

лении, Кьяра Бонага. — С полвосьмого до десяти утра тут не протолкнуться».

Булочная на улице Драпперие открывается в 7.30 — здесь покупают хлеб местные жители. Упомянутая во всех гидах бакалейная лавка на улице Капрарие открывается в 9.00 — здесь туристы покупают домой макароны всех форм и цветов. Оба магазинчика — клапаны большого административно-пекарного организма, протянувшегося между домами. Внутри работа кипит с раннего утра: тунисец заворачивает вензелями французские круассаны, индус растягивает тесто для лазаньи, филиппинец взбивает воздушный хлеб. «Они отлично копируют, — объясняет хозяйка неожиданного выбора персонала. — А коренных болонцев сейчас не заставишь работать у печи».

Это, конечно, не касается Эдды Гранди. В выглаженном переднике, с белокурыми локонами, аккуратно подколотыми под поварской колпак, с полуулыбкой на губах и накладными ногтями она ловко штампует тортеллини и тортеллоне в своем просторном цеху между залом с печами и директорским кабинетом. «Женщина должна всегда оставаться женщиной — так говорила моя бабушка, а у нее было двенадцать детей. Я использую некоторые из ее рецептов поддержания молодости, и вот, глядишь, в неплохой форме разменяла уже шестой десяток, — говорит она и подбрасывает на

Полюбоваться видом на Мельничный канал с Виа-Пьелла — идеальный повод для первого поцелуя

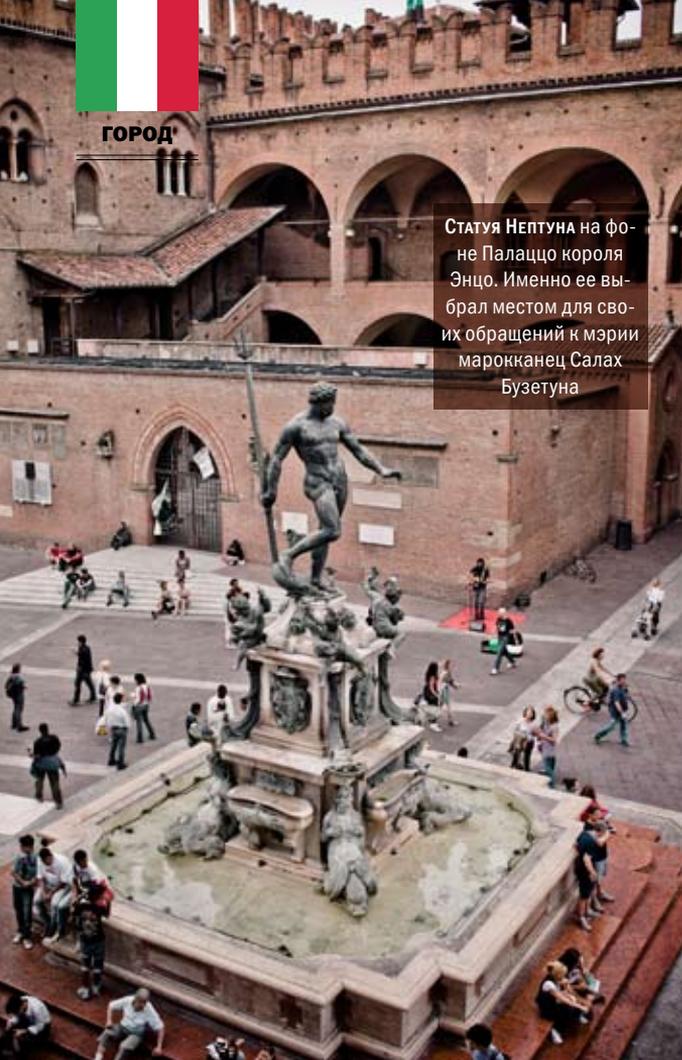
ладони пельмешек идеальных пропорций. Эдда — сама ожившая традиция, она сообщает этому месту староболонский шик, несмотря на эмигрантов, захватывающих традиционные пекарные ремесла.

Свои «гастарбайтеры» появляются и в других исконно болонских промыслах. Дияна Валева приехала из Болгарии учиться в Болонскую академию изящных искусств в начале 2000-х. Однажды, гуляя по улицам, она набрела на витражную мастерскую, устроенную в бывшей церкви Сан-Пьетро-Мартире, — и влюбилась в это ремесло. Стать своей в мире стекла, где каждое неловкое движение грозит катастрофой, было непросто. Девушка не без труда устроилась сюда на стажировку, а потом буквально уговорила владельцев взять ее в подмастерья.

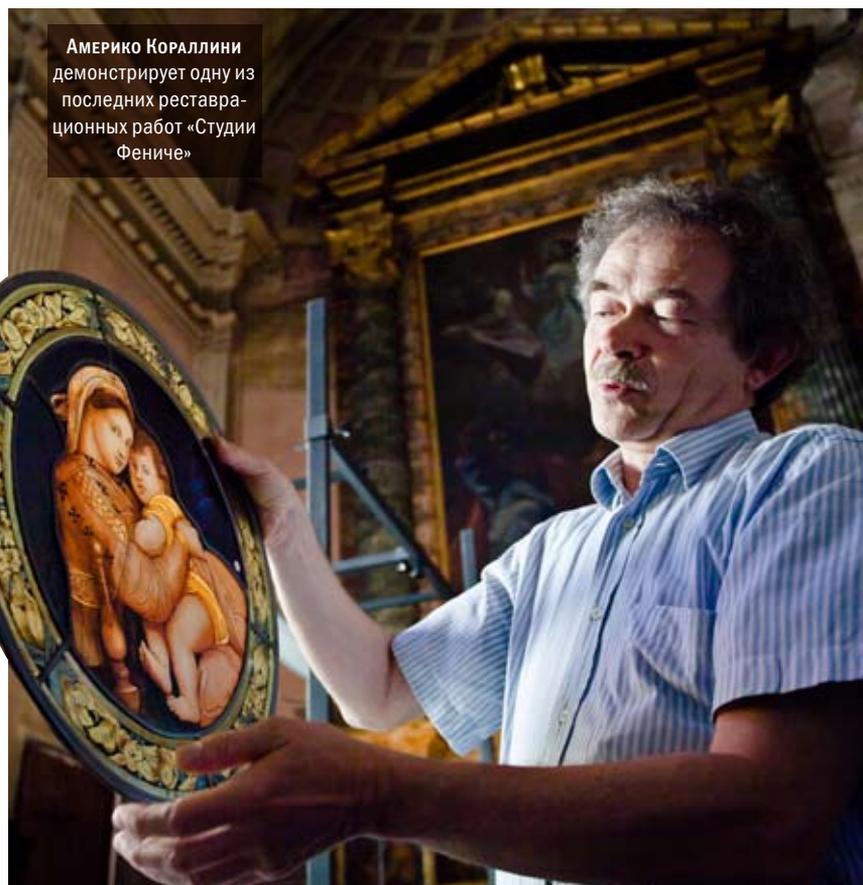
Хозяин витражной мастерской «Студио Фениче» Америко Кораллини с гордостью говорит, что на реставрацию одного квадратного метра старинных витражей может уйти несколько месяцев. От пыли, окисления, сухости и влажности панно из цветного стекла блекнут, а тонкие линии рисунка размываются. Поэтому на фрагментах витражей, ожидающих ремонта, у многих святых нет лиц или рук. Чтобы восстановить их прежний вид, нужны консультации с историками искусства. «Таких мастерских, как наша, в стране осталось

ГОРОД

Статуя Нептуна на фоне Палаццо короля Энцо. Именно ее выбрал местом для своих обращений к мэрии марокканец Салах Бузетуна

Америго Кораллини демонстрирует одну из последних реставрационных работ «Студии Фениче»

• всего шесть. Можете себе представить, как мы завалены заказами — соборов и дворцов с витражами в Италии не сосчитать», — говорит синьор Кораллини.

Однако, несмотря на загруженность, гордые витражники не ищут учеников и помощников. Ни Америго Кораллини, ни его соучредительница Валерия Бертуцци не говорят об этом напрямую, но «громко думают» одно и то же: это хрупкое ремесло должно оставаться уделом немногих избранных. «В Ломбардии есть трехмесячные курсы по витражному делу, вы уж простите, я запомнил имя профессора, который их открыл, там вас быстро и недорого научат делать рисунки на стекле. Мы же здесь — гнем свинец!» — и он грозно сгибает толстый серый штырь, который на поверку оказывается податливым, как пластилин.

Болонья предпочитает рассматривать свои сокровища в тайне от гостей. Ей вообще нет дела до приезжих, так же как мастерам из «Студии Фениче» нет дела до того, что в магазинах появились накладные витражи из самоклеющейся пленки. Однако постепенно, понемногу город все-таки сдается напору любопытных туристов, расшифровывающих его тайны, и иностранцам-энтузиастам, желающим освоить его традиционные ремесла.

В подвале кузни Пьерлуиджи Праты, среди металлических статуэток, абажуров и букетов, лежит глиняный

слепок головы его деда — основателя кузни. Тот, тренируясь, вылепил каждую морщинку, каждую выпуклость собственного лица. «Однажды, еще при жизни деда, я нашел этот слепок в дальнем углу шкафа, заставленный другими работами, — рассказывает Пьерлуиджи. — Я был потрясен точностью деталей и безукоризненностью выполнения и передвинул его на видное место — пусть люди видят, как дед может! И на следующий день нашел его там же, в темном углу. Я передвинул снова — дед опять запрятал его подальше. Этому человеку, собравшему все возможные награды в кузнечном деле, было стыдно, если бы люди подумали, что он потратил столько времени на воспроизводство себя любимого». Не в этом ли вся Болонья? Она стала заложницей собственной скромности, граничащей со снобизмом, — чувств, характерных для преклонного возраста. Новой мэрии предстоит заново научить ее волноваться из-за уличных флэш-монов, обсуждать скандальные театральные постановки, принимать громкие фестивали. Иными словами, вывести ее из того состояния, которое интеллигентный шофер Луиджи Педриали назвал «культурной комой».

41-летний марокканец Салах Бузетуна, волей судеб осевший в Болонье, требует жилья и работы. Чтобы привлечь внимание к своей проблеме, он выступает пря-

Болгарка Дильяна Валчева училась в Болонской академии изящных искусств, а теперь применяет полученные знания, расписывая витражи

мо с головы статуи Нептуна на центральной площади города — взбирается туда в одних кальсонах и подолгу сидит, пока приглашенный полицией психиатр ведет с ним душеспасительные беседы с пожарной лестницы. 28 мая поглазеть на этот акт собралось несколько сотен горожан и туристов, готовых запечатлеть на камеру мобильного телефона смертельный прыжок отчаявшегося эмигранта. Это один из немногих случаев, когда у трех групп населения Болоньи общий объект интереса.

Большую же часть времени коренные болонцы, туристы и студенты живут в трех параллельных измерениях. Первые обсуждают проект вывода подземных каналов на поверхность, реализация которого, с одной стороны, добавит городу шарма, с другой — сократит количество парковочных мест. Вторые меняются адресами стоковых магазинов и меряются размерами макарон, купленных в подарок домашним. Третьи жаркий полдень просиживают в библиотеках, а вечером перебегают из бара в бар вслед за «счастливыми часами». По большому счету, этим трем группам населения Болоньи не о чем говорить друг с другом.

Отсутствие диалога, в котором обвиняет город Джованна Козенца, ярко проявилось в майской предвыборной кампании новой городской администрации, за которой профессор семиотики следила с профессиональным интересом. «Их программа была пуста,

После обжига краска впечатывается в структуру стекла, а современные защитные покрытия не дают ей выцвести

подача — эгоцентрична. Но они победили, ведь перед соперниками у них было одно огромное и неоспоримое преимущество — молодость».

Болонья — город молодых, поэтому на новую власть возлагают огромные надежды. Половина команды управленцев младше 35 лет, что по меркам Италии, живущей под руководством 86-летнего президента и 75-летнего премьера, политическое младенчество. Жители Болоньи надеются, что мэру Вирджинию Мероле и его соратникам удастся вдохнуть новую жизнь в их город-музей, который имеет все козыри, чтобы выбиться в Большую Пятерку самых посещаемых в Италии. Пока что призовые места занимают Рим, Милан, Венеция, Флоренция и Неаполь. ■